
О философии механицизма

Ихлов Б.Л.

Ведущий инженер-исследователь
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Тел.: (919) 454-03-58
E-mail: boirs.ichlov@gmail.com

Ikhlov B.L.

Leading engineer-researcher
Perm State University

Аннотация

Показано, что в философской парадигме свобода не определена. Указывается, что феномен уникальности «я» пока не может быть раскрыт. Обосновывается, что свобода может реализоваться в мышлении, но не в деятельности.

Ключевые слова: труд, механицизм, мышление

Abstract

It is shown that freedom is not defined in the philosophical paradigm. It is pointed out that the phenomenon of the uniqueness of the «I» can not yet be revealed. It is justified that freedom may be realized in thinking, but not in activity.

Keywords: labor, mechanicism, thinking

Введение

Человек не может быть свободен 1) от внешних законов природы, 2) от законов анатомии и физиологии, а также биохимии и биофизики организма. Не только общественное, а конкретное бытие человека как открытую обществу и природе систему, определяет его сознание. Но как возражал Эпикур Демокриту — уж лучше поверить в Бога, чем жить в такой жесткой предопределенности.

Детерминизм Спинозы, Канта и Гегеля

Механистический взгляд на природу человека сложился еще у Локка, в системном виде — у Дидро, Гельвеция, Гольбаха. Декарт и Ламетри представляли человека как сложную машину. Декарт оставлял за человеком право иметь живую, чувствующую, непостижимую душу, Ламетри избавил от нее, включив душу в постижимую в будущем природу.

«Возможность и случайность, — утверждает Спиноза, — лишь недостатки нашего разума. ... Если бы люди ясно познали весь порядок природы, они нашли бы всё так же необходимым, как всё то, чему учит математика» [1, с. 277, 301].

Мир Спинозы содержит бесконечное количество вещей. Чтобы всё в мире двигалось бы с абсолютной необходимостью, во Вселенной «всегда сохраняется одно и то же соотношение между движением и покоем», природа сохраняет «вечный, прочный и неизменный порядок» [Там же, II, с. 514, 88].

Рассмотрим одну из кантовских космологических антиномий.

Тезис: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, по которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность». Антитезис: «Нет никакой свободы, всё совершается в мире только по законам природы».

Кант выносит свободу за рамки законов природы в сверхбытие, делает ее либо частичкой индетерминированного божества, либо полагает наличие иного внеприродного.

Многие советские философы не выходили за рамки антитезиса Канта, В. Келле, М. Ковальзон, Д. Гущин и др. [2, 3]

Кант разрешает свою антиномию в регулятивное применение разума. Можно бояться огня, но можно готовить на огне еду. Фактически — разрешение в гегелевскую осознанную необходимость.

В гегелевском подходе случайность в своем развитии развертывается как закономерность, закономерность — проявляется случайно, случайность — внешняя сторона процесса. Если расширить процесс до всей Вселенной, случайность отсутствует.

Но случайность есть необходимая сторона закономерности, принадлежащая сущности, что показывает стохастика, а в микромире — просто сущность, что показывает квантовая механика. Случайность заложена не только в ограничении рассмотрения системы, она свойство самой субстанции.

Детерминизм в теологии

Различные религии, начиная от древнегреческой (мойры, Тюхе), древнеримской (Фортуна), древнеегипетской мифологии (Термутис) и учения о карме и дао, придерживались той концепции, что судьбы человека и мира предрешены. Хайям пишет о боге:

Сам во всем виноват, что случается в мире,

А в грехах обвиняет тебя и меня.

Так понимали мир и последователи Ибн Рушда, но фатализм — в природе, поскольку человек — природен, его мышление и поступки жестко детерминированы. (Однако для алавитов или исмаилитов свобода воли — неограниченна.)

В одном из поучений раввин указывает ученикам на листок, упавший в жару с дерева и укрывший муравья от лучей солнца. Раввин утверждает, что Бог заботится даже о муравье — хотя Маймонид завещал признать отсутствие божественной предопределенности.

Православный Николай Гоголь был убежден, что его судьба — в руках Господа, потому отказывался лечиться: «Ежели будет угодно Богу, чтобы я жил еще, — буду жив...» Правда, Карташев пишет, что Гоголь «покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге спиритуализма» [4, с. 289].

В воззрениях Аквинского царствует фатализм: не только человек, но все вещи движутся по воле высшего существа.

Для Лютера механистический детерминизм — абсолютен, свобода воли — вымысел.

Клайв Стейз Льюис [5] определяет писателя (Диккенса) как творца того, чего нет в природе, его персонажи — только в голове творца. Связь персонажей Диккенса с обществом для Льюиса отсутствует. Связь, логику, упорядоченность между человеческими чувствами, между явлениями природы Льюис возлагает на Бога [там же, С. 155].

Льюис усматривает в «диалектическом» механицизме слабость позиции материалистов. Необходимости *изменчивого*, но полностью подчиненного законам природы мира Льюис противопоставляет свободу выбора, даже независимо от воли Бога. Однако она фиктивна. Мышление не строит альтернативных, конкурирующих планов. Выбор между двумя рабовладельцами не есть свобода. Идеологема не избавляет от механицизма, поскольку не устраняет тезис обусловленности выбора законами природы.

Гете и Маркс

Кант, как и Спиноза, как и деисты, обосновывал природный фатализм. Благодаря Галилею, Гуку,

Ньютону, Лапласу, Гюйгенсу, Лейбницу и многим другим гениям картезианство, механицизм распространились на физику, химию, биологию, общество, *на индивидуальность*.

Гёте в пику «математическому» типу познания провозглашает познание интуитивное. Однако Гёте был таким же механицистом, что и Кант: «Природа! Мы окружены и охвачены ею и не можем ни выйти из нее, ни глубже в нее проникнуть. ... Ее законам повинуются даже тогда, когда противятся им; даже и тогда действуют с ней согласно, когда хотят действовать против нее...» [6, с. 5]

Марксизм против грубого объективизма, жесткого характера законов социальной формы движения. Однако свобода воли лишь постулируется.

Социальная форма

Бернштейн, Ленин в «Что делать?», обществоведы сталинской школы и даже Б. Поршневы в «Социальной психологии» вернулись к механицизму Спинозы, они представили рабочий класс как косную, инертную материю, нуждающуюся в пастыре, привносящему в нее политическое сознание. Как сформулировал Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс», управлять могут не все, а лишь особая каста людей, «слышащих подземный гул истории», пассионарии.

Человек сопротивляется этому механицизму — во всем мире растет абсентеизм, не как анархическое отсутствие гражданственности, но как естественное желание познавать мир, отличаться от животного, мыслить и действовать самостоятельно. В том числе как субъект истории.

Гегель игнорирует историческую практику, к ней обращается исторический материализм. «Поскольку Маркс, — пишет Хайдеггер, — ... проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории. ... ни феноменология, ни экзистенциализм не достигают того измерения, внутри которого впервые оказывается возможным продуктивный диалог с марксизмом» [7, с. 204].

Очевидна разница между законами социальной формы движения материи и естественно-научными законами. В «механике» общества участвуют такие параметры, как, например, стоимость. Но стоимость, подчеркивает Маркс, не является имманентным свойством товара, содержится только в головах людей. Соответственно все общественные законы, отмечает Энгельс, реализуются только через людей, через их волю.

Тем не менее, Маркс, Энгельс, как Гегель и Кант, в своей оценке закономерности в истории исходили из картезианской, ньютоновской картины мира, поскольку иной не было. И только в 1986 г. Д. Лайтхилл, позднее президент Международного союза чистой и прикладной математики, извинился от имени своих коллег за то, что «в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным... что этот детерминизм является ошибочной позицией» [8].

Квантовая механика, синергетика (стохастика, теория особенностей, теория катастроф), идеи Пригожина обязывают сделать шаг вперед от прежнего понимания детерминизма в истории. Необходимо идеологию новейших открытий естественных наук сделать достоянием истории, от Шпенглера и Броделя до Маркса и Тойнби и математических методов в истории, кластерного подхода и т.д. Тема сформулирована в [9], до Валлерстайна.

Уже статистическая физика устанавливает закономерность случайности. Случайность выступает как внутреннее свойство материи, которое в неразвитом виде обуславливает свободу. Но, поскольку случайность закономерна, она исключает свободу. Т.е. ни квантовая механика, ни стохастика не избавляют от механицизма.

С другой стороны, «невещные» законы общественной динамики указывают на ограниченность естественно-научных закономерностей. Вариативность этих законов качественно выше, чем в квантовой механике или стохастике.

Действие закона спроса-предложения, как отмечал Рикардо, ограничивается монополией.

Монополия (как в СССР) ограничивает игру закона стоимости. Ограничение налагает и институт пожизненного найма — в Японии, до 1991 года. Активность профсоюзов, подчеркивает в 1-м томе «Капитала» Маркс, видоизменяет закон стоимости.

Но марксово указание на связь общественного бытия и общественного сознания возвращает к кантовской регулятивности, воля субъекта, индивидуальное «я» исчезают в общественном.

Гоббс писал, что «выбор» человека — лишь случайное сочетание неких не зависящих от человека чувствований. Вслед за Гоббсом Маркс констатирует в тезисах о Фейербахе: личность — это совокупность общественных отношений.

Шеллинг, конструируя бога из категорий бытия, сущности и существования, определял сущность бога как тождество с бытием, способность содержать в себе основу. А существование бога — в различности с основой (см. [10, с. 114]). Нетрудно видеть: Маркс в определении Шеллинга вместо бога поставил человека, вместо абстрактного бытия — общественное.

Осталось только, будто бы, в общественном бытии различить класс-в-себе и класс-для-себя, чтобы «уничтожение рабочего класса» привело не к распаду, а к синтезу — «человеческому обществу». Но.

«Материал труда» (Энгельс) — не только «все сущее», но сам человек, создаваемый в процессе распределения. Это формирует в нем небиологическую потребность в труде (удовлетворение биологических потребностей — условие), если труд творческий, и потребность избежать труда (Маркс), если труд обезличивающий. В разделении труда и состоит противоречие, движущей силой выступает потребность в уходе от обезличивания и потребность в творческом, которую ограничивают существующие общественные отношения. Обе они ныне не проявлены на уровне всеобщего.

Очевидно, что определения Гоббса-Шеллинга-Маркса одновременно суть определения социальной формы движения материи, высшей по отношению к низшим, причем любым. Для отдельного человека, напротив, определение должно быть перевернуто: сторона (не две или поли-сущности!) сущности — в *различности* с деятельностью, с общественными отношениями, а существование — в тождестве с общественным бытием.

Всего лишь сторона — потому что феномен уникальности человека по-прежнему не раскрыт. Дело не только в том, что творчество человека в рамках доминирующего идеализма онтологически понимается как проявление сверхъестественного. В таком случае жизнь существует вечно, именно она, как высшая форма, в духе Августина определяет время (дление, по Бергсону), а отношение «субъект — объект» понимается финалистски. Раскрытие уникальности через «осознание себя» не объясняет различие именно человеческой уникальности.

Невозможность раскрытия связана хотя бы с отсутствием феноменологического материала в биологии, где до сих пор не осмыслено отличие живой материи от неживой, не выполнен *предыдущий* шаг.

Ясно лишь, что уникальность «я», которое может влиять на общественные законы, но не в силах изменить законы своей основы — существенна и не может быть понята в пределах детерминизма социального, биохимического или физического.

Если личность есть совокупность общественных отношений, то общество, чье сознание предопределено его бытием, обречено следовать своим неизменным законам. Человек выступает как абстрактная точка пересечения общественных линий, сочетание «конкретная совокупность» не различает человека с общественными отношениями.

Источником социальной предопределенности выступает доминирующе абстрактное содержание в труде, которое ограничивает и труд конкретный.

Свобода воли, как и само мышление, есть наличие нового системного качества, ограниченное

низшими формами движения. При этом даже наше сопротивление законам природы будет генерироваться теми же законами природы.

Но тут мы обнаруживаем феномен, который полностью противоречит такому подчинению: химия не редуцируется к физике, биология — к химии и физике, общественная динамика — к естественным наукам.

Тождество мышления и бытия

Мышление отображает внешний мир, его логику. Мышление идеально, потому противоположно бытию.

В то же время мышление не тождественно бытию в отображении. Ландау и Пайерлс доказали теоретически, что двумерные кристаллы не могут существовать, потому что неустойчивы. Однако затем экспериментаторы создали графен.

Случаи не тождественности — закономерны. Следовательно, не тождественность мышления бытию тоже имеет общий характер. В любом процессе абстрагирования возникает новое содержание, которое включает нечто, не принадлежащее внешней закономерной реальности.

Во-вторых, мышление обнаруживает то, что еще не реализовано в развитии материи, что субъект отображать не может, скрытое в потенции. Разумеется, на основе предыдущего тождества бытию, но субъективная реальность развивается в определенной мере самостоятельно. Следовательно, свобода воли *может* реализовываться в мышлении. Но не в деятельности.

Заключение

Задачей является не столько абстрактный анализ, сколько практическое изменение мира, заключающееся во всеобщем изменении содержания труда.

Литература

1. Спиноза Б. «Метафизические мысли». Соч. // М.: 1975. — Т. I.
2. Момджян К. Х. Категории исторического материализма: системность, развитие. // М.: МГУ. — 1986. — С. 66-67.
3. Фролов В. В. Общественные законы в условиях социализма. // М.: Высшая школа. — 1990.
4. Карташев А. Вселенские соборы. // М.: Республика. — 1994.
5. Льюис К. С. Чудо. М.: Фонд им. А. Меня, изд. «Библия для всех». // Соч. — 2000. — Т.7.
6. Goethe I. Naturwissenschaftliche Schriften: Mit Einleitungen und Erläuterungen im Text/Hrsg. von Rudolf Steiner. // Dornach. — 1982. — V. 2.
7. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. В кн. «Время и бытие». // М.: Республика. — 1993.
8. Lighthill J. Proceedings of the Royal Society. // A 407. — London, Royal Society. — 1986. — P. 35–50.
9. Ихлов Б. Л. Что такое история? С точки зрения физика. // КЛИО. — СПб.: Нестор. — 1998. — № 1(4). — С. 16-24. См. также: Взгляд. — Пермь: 1995. — С. 12-19.
10. Резвых П. В. Бытие, сущность и существование в поздней онтологии Г. В. Й. Шеллинга. // Вопросы философии. — 1996. — № 2.